

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Экономическое сотрудничество Казахстана и Китая в первые годы реализации Инициативы Пояса и Пути: оценка предварительных итогов

Вячеслав Ю. Додонов

*Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан, Алматы, Казахстан,
dodonovv@mail.ru*

Аннотация: Реализация масштабной Инициативы Пояса и Пути КНР, охватывающей несколько десятков стран, происходит уже на протяжении нескольких лет и позволяет сделать некоторые предварительные оценки ее влияния на двустороннее экономическое сотрудничество Казахстана и Китая. В статье анализируется динамика ключевых показателей, отражающих основные направления этого сотрудничества (торговлю, взаимные инвестиции, внешний долг Казахстана перед КНР) в период с 2013 года, когда было объявлено о проекте Экономического пояса Шелкового пути, по 2018 год.

Анализ взаимной торговли Казахстана и КНР, а также основных направлений инвестиционного сотрудничества не выявил существенного изменения объемов соответствующих параметров в период реализации инициативы. Более того, практически по всем рассмотренным направлениям наблюдается снижение интенсивности сотрудничества, которое особенно заметно при анализе динамики относительных показателей. В статье исследуются причины возникновения данных тенденций, рассматривается их международный контекст, а также анализируются расхождения в казахстанской и китайской статистике двустороннего сотрудничества.

Ключевые слова: Инициатива Пояса и Пути, BRI, экономическое сотрудничество Казахстана и Китая, взаимная торговля, иностранные инвестиции, внешний долг

Для цитирования: Додонов В.Ю. Экономическое сотрудничество Казахстана и Китая в первые годы реализации Инициативы Пояса и Пути: оценка предварительных итогов. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(2):129-148. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-2-129-148>

Статья поступила 14.04.2019

Принята в печать 28.04.2019

Опубликована 11.06.2019

Economic cooperation of Kazakhstan and China in the early years of the Belt and Path Initiative implementation: an evaluation of the preliminary results

Vyacheslav Yu. Dodonov

*Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President
of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan,
dodonovv@mail.ru*

Abstract: The implementation of the PRC's large-scale Belt and Road Initiative, which covers several dozen countries, has been going on for several years and allows us to make some preliminary assessments of its impact on bilateral economic cooperation between Kazakhstan and China. The article analyzes the dynamics of key indicators reflecting the main directions of this cooperation (trade, mutual investments, external debt of Kazakhstan to the PRC) in the period from 2013, when the Silk Road Economic Belt project was announced, until 2018.

An analysis of mutual trade between Kazakhstan and the PRC, as well as the main areas of investment cooperation, did not reveal a significant change in the volumes of the relevant parameters during the implementation of the initiative. Moreover, in almost all the considered areas, a decrease in the intensity of cooperation is observed, which is especially noticeable when analyzing the dynamics of relative figures. The article examines the causes of these trends, examines their international context, and also analyzes the differences in the Kazakh and Chinese data of bilateral cooperation.

Keywords: Belt and Road Initiative, BRI, Kazakhstan-China economic cooperation, mutual trade, foreign investment, foreign debt

For citation: Dodonov V.Yu. Economic cooperation of Kazakhstan and China in the early years of the Belt and Path Initiative implementation: an evaluation of the preliminary results. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(2):129-148. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-2-129-148>

Received 14.04.2019

Revised 28.04.2019

Published 11.06.2019

ВВЕДЕНИЕ

Экономическое сотрудничество Казахстана и Китая на всем протяжении истории двусторонних связей развивалось достаточно интенсивно. Объем товарооборота вырос в 27 раз с 433 млн долл. США¹ в 1992 году² до 11657 млн долл. в 2018 году.³ Следует отметить, что Китай был очень значимым торговым партнером Казахстана с первых лет независимости страны — так, в 1992 году в КНР направлялось 16,3% казахстанского экспорта (228 млн долл. из общего объема в 1398 млн), а доля КНР в казахстанском импорте составляла 43,8% (205 из 469 млн долл.)⁴. В то же время, впечатляющий рост двустороннего товарооборота за период 1992-2018 годов отстает от роста объема внешней торговли Казахстана в целом. В 1992 году внешнеторговый оборот Казахстана измерялся 1867 млн долл. (1398 млн — экспорт и 469 млн — импорт), а в 2018 году — 93490 млн, то есть, увеличился в 51 раз. Объем внешней торговли без стран СНГ (которые не учитывались как внешнеторговые партнеры в 1992 году) за этот период вырос в 37 раз. Таким образом, двусторонняя торговля Казахстана и Китая, несмотря на бурный рост, отстает

в своей динамике от торговли Казахстана с остальным миром.

В области инвестиционного сотрудничества Китай также является одним из наиболее важных партнеров Казахстана. Валовый приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из КНР вырос с 5 млн долл. в 1993 году до 1,5 млрд долл. в 2018 году, то есть, в 300 раз. В данной области казахстанско-китайское сотрудничество значительно опережает средние показатели — в целом, годовой объем привлекаемых ПИИ в Казахстан в указанный период вырос в 15 раз (с 1271 млн долл. в 1993 году до 20 млрд долл. в 2018 году).⁵ В то же время, опережающий рост валового притока ПИИ из КНР был во многом обусловлен относительно низкими стартовыми значениями и не сформировал высокую долю Китая в накопленных ПИИ, которая по состоянию на 1.10.2018 года составляет 5,7%. Объем накопленных ПИИ из КНР исчисляется 9,2 млрд долл., общий объем накопленных в Казахстане инвестиций из Китая всех видов составил на указанную дату 15,6 млрд долл.,⁶ что соответствует 7% накопленных иностранных инвестиций в Казахстане.

¹ Далее по тексту под долларами подразумеваются доллары США.

² Источник: Статистический ежегодник Казахстана 1992. Алматы: Госкомстат Республики Казахстан, 1993. С. 281.

³ Данные по внешней торговле Республики Казахстан с Китаем/ Статистика внешней и взаимной торговли. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersCrossTrade?_afzLoop=2921013475444591#%40%3FafzLoop%3D2921013475444591%26_adf.ctrl-state%3D33wm02y7m_182 (дата обращения: 4.03.2019).

⁴ При этом необходимо отметить, что в статистике 1992 года республики бывшего СССР еще не выделялись как внешнеторговые партнеры, что отчасти объясняет лидерство КНР среди источников импорта, которое позднее перешло к России.

⁵ Валовый приток иностранных прямых инвестиций в Республику Казахстан от иностранных прямых инвесторов по странам/ Статистика прямых инвестиций по направлению вложения. Национальный банк Республики Казахстан. Официальный интернет-ресурс. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian> (дата обращения: 4.03.2019).

⁶ Международная инвестиционная позиция (МИП) Казахстана по странам на 1 октября 2018 года/ Международная инвестиционная позиция. Национальный банк Республики Казахстан. Официальный интернет-ресурс. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=679&switch=russian> (дата обращения: 5.03.2019).

Длительный период двустороннего экономического сотрудничества, насчитывающего уже 27 полных лет, характеризовался неравномерной динамикой — интенсификация в отдельные периоды чередовалась с торможением в другие. В этой связи и в контексте оценки перспектив дальнейшего развития сотрудничества в ключевых сферах представляет интерес анализ изменения динамики двусторонних связей в период реализации Китаем Инициативы Пояса и Пути (Belt and Road Initiative — BRI), которая призвана активизировать сотрудничество по широкому кругу направлений.

Как известно, эта инициатива, первоначально сформулированная как «Экономический пояс Шелкового пути», была выдвинута Председателем КНР Си Цзиньпином 7 сентября 2013 года в ходе выступления в г. Астана с речью, озаглавленной «Развивать дружбу между народами, совместно создавать прекрасное будущее». 3 октября того же года Си Цзиньпин, выступая в Совете народных представителей Индонезии, предложил построить Морской Шелковый путь XXI века. Две данные инициативы позднее были объединены в рамках концепции BRI. Несмотря на то, что в 2018 году отмечалось пятилетие этой инициативы и подводились первые итоги пяти лет ее осуществления, фактически действия по внедрению соответствующих идей и создание механизмов ее реализации начались не в 2013 году, а позднее.

В частности, первые институты, ориентированные на реализацию инициативы, были созданы в конце 2014 года и в 2015 году — Фонд Шелкового пути зарегистрирован в декабре 2014 года, Устав Азиатского банка инфраструктурных инвестиций подписан в июне 2015 года. Фактическая

же деятельность этих учреждений началась в 2016 году. В марте 2015 года был опубликован План действий по инициативе Пояса и Пути, то есть, и в части планирования и принятия государственных документов реализация данной инициативы началась с 2015 года и, соответственно, оценивать ее итоги, в том числе в плане влияния на двустороннее сотрудничество Казахстана и Китая, следует за период, начавшийся в 2015 году.

Рассматривая итоги сотрудничества Казахстана и Китая в период реализации инициативы Пояса и Пути, необходимо принимать во внимание акценты китайской стороны, сделанные в данной инициативе. Можно отметить, что эти акценты, проявляющиеся в направлениях сотрудничества Китая со «странами Пояса и Пути»⁷ и обозначенные, в частности, в Плане действий по инициативе Пояса и Пути, достаточно конкретны. Планом предусматриваются такие приоритеты сотрудничества, как координация экономической политики, совместимость инфраструктуры, беспрепятственная торговля, финансовая интеграция, а также связи между людьми [2]. Наряду с конкретно обозначенными направлениями международного сотрудничества, в данном документе отсутствуют количественные ориентиры в виде прогнозов или оценок роста товарооборота, инвестиций, грузоперевозок и пр., что несколько затрудняет понимание целей китайской стороны в части ожиданий от реализации данной инициативы. В этой связи можно предположить, что инициатива имеет стратегический характер и направлена на качественные изменения, которые произойдут по мере ее продвижения, тогда как количественные прогнозы и конкретные масшта-

⁷ Термин «Страны Пояса и Пути» (Belt and Road countries), появление которого можно считать характеристикой отношения КНР к своим партнерам по этой инициативе, стал устойчивым в Китае и употребляется, в частности, в ежегодных отчетах Big data report on Belt and Road progress.

бы изменения показателей экономического сотрудничества не столь важны.

В то же время, оценки первых лет реализации инициативы BRI даются в традиционном ключе и сопровождаются показателями роста взаимной торговли, инвестиций, роста перевозок, количества подписанных соглашений и т.п. Так, при оценке итогов 2016 года Канцелярия руководящей рабочей группы по продвижению строительства «Одного пояса, одного пути» оперировала показателями роста товарооборота: «общий объем товарной торговли между Китаем и странами вдоль «Пояса и пути» достиг 947,8 млрд долл. США, что составило 25,7% от общего объема экспорта и импорта товаров Китая за тот же период; общий объем торговли услугами — 122,2 млрд долл. США, что составило 15,2% от общего объема экспорта и импорта услуг Китая за тот же период, это на 3,4 процентных пункта больше чем в 2015 г.» [3]. Аналогичным образом оцениваются итоги инвестиционного сотрудничества: «страны вдоль «Пояса и пути» стали важными объектами китайских внешних инвестиций. В 2016 г. Китай вложил в этот регион в общей сложности 14,5 млрд долл. США, что составило 8,5% от общего объема внешних инвестиций Китая за тот же период. Общая сумма новых подрядных контрактов на строительство объектов за рубежом достигла 126 млрд долл. США, увеличившись на 36%» [3].

Несмотря на то, что китайские оценки первых лет реализации проекта BRI имеют ожидаемо позитивный характер, за рубежом как сама инициатива, так и ее первые итоги расцениваются неоднозначно. При этом зачастую заметна определенная тенденциозность в оценке BRI экспертами из геополитически конкурирующих с Китаем стран, особенно, представляющих консервативные институты и организации. Так, T. Greer в статье в *Foreign Policy* заявляет,

что «для Китая эта инициатива стала стратегическим промахом» [4], В. N. Kumar из индийского Центра военных исследований указывает на опасность того, что «экономически хрупкие страны могут столкнуться с долговой ловушкой и проблемами с суверенитетом из-за проектов BRI» [5], R. Vakulchuk и O. Indra, отмечают, что BRI, несмотря на ряд осуществляемых проектов, не привела к изменению отношения к Китаю в странах Центральной Азии [6].

В то же время исследования, делающие акцент не на политических, а на экономических аспектах Инициативы Пояса и Пути, оценивают ее более нейтрально и отмечают значительный потенциал как для Китая, так и для стран, вовлеченных в ее реализацию. M. Ruta [7] выделяет три основных возможности реализации BRI, способных дать существенный импульс экономическому развитию — огромный размер и масштаб проекта, большой неиспользованный потенциал сотрудничества и улучшение сопряжения. M. Глянц отмечает такой аспект проекта, как возможность для Китая «выделиться на фоне других национальных и совместных международных усилий по реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов и проектов развития» [8].

Что же касается оценок КНР, то китайская сторона, как показывают приведенные выше примеры подведения ежегодных итогов реализации проекта, связывает прогресс в реализации BRI, в том числе для стран-партнеров, с ростом количественных показателей взаимной торговли, инвестиций и т. д., который она фиксирует ежегодно. Соответственно, с таких же позиций логично оценивать и двустороннее экономическое сотрудничество Казахстана с Китаем. При этом нельзя не отметить, что оценки этого сотрудничества у двух стран отличаются, что проявляется в раз-

личных показателей статистики внешней торговли и иных сфер.

По оценкам китайской стороны, двустороннее сотрудничество набирает обороты. Так, в соответствии с вторым годовым докладом, посвященным BRI — «Belt and Road Big Data Report 2017», кооперация между странами, участвующими в данной инициативе, и Китаем усилилась, а Казахстан назывался третьим из пяти ведущих партнеров КНР по данному проекту наряду с Россией, Пакистаном, Таиландом и Вьетнамом [8]. Аналогичный доклад 2018 года, в котором представлены результаты 2017 года, также комплиментарно оценивает роль Казахстана в реализации BRI: «в соответствии с докладом, странами, в наибольшей степени вовлеченными в проекты сотрудничества с Китаем в рамках BRI, стали Россия, Казахстан, Пакистан, Южная Корея и Вьетнам» [9], то есть, за год Казахстан по версии составителей доклада продвинулся в этом сотрудничестве с третьего на второе место. Столь же позитивны оценки китайской стороны и в части конкретных экономических показателей двустороннего сотрудничества, особенно в оценках китайского вклада в это сотрудничество. Так, в статье «Взлетают на крыльях мечты китайско-казахстанские отношения» Председатель КНР Си Цзиньпин указывает, что общий объем инвестиций Китая в экономику Казахстана превысил 42,8 млрд долларов, объем кредитования — более 50 млрд долларов [10].

Однако данные казахстанской стороны, в лице Национального банка, ведущего учет иностранных инвестиций, существенно отличаются в оценке китайских инвестиционных потоков в Казахстан. В соответствии с ними, общий объем накопленных инвестиций из КНР всех видов на конец 2017 года измерялся 15,8 млрд долл., причем этот показатель демонстрирует тен-

денцию к сокращению — как отмечено выше, на 1.10.2018 года он уменьшился до 15,6 млрд долл., несмотря на реализацию BRI и позитивные оценки места Казахстана в этой инициативе, дающиеся КНР.

В связи с вышеизложенным, представляется целесообразным оценить динамику ключевых показателей, отражающих двустороннее сотрудничество и сопоставить их с аналогичными индикаторами в годы, предшествовавшие началу BRI (которое, как обосновано выше, целесообразно отсчитывать с 2015 года). К числу таких индикаторов нами отнесены показатели взаимных инвестиций (не только прямых, но и других видов) — как из Китая в Казахстан, так и из Казахстана в Китай, а также показатели взаимной торговли. Для повышения точности оценки там, где это возможно, использовались данные двух сторон, а также проводилось сопоставление показателей двустороннего сотрудничества с соответствующими показателями для всего мира.

ВЗАИМНАЯ ТОРГОВЛЯ КАЗАХСТАНА И КНР

Двусторонняя торговля, как отмечалось выше, на протяжении постсоветского периода развивалась весьма динамично и увеличилась в 27 раз. В то же время, изменение объемов внешней торговли Казахстана с Китаем, так же, как и товарооборота в целом, характеризуется сильной зависимостью от ценовой конъюнктуры внешних рынков и по этой причине подвержено существенным изменениям вследствие изменения цен на экспортируемую в КНР продукцию. В последние несколько лет ценовая конъюнктура мировых товарных рынков неблагоприятна, что привело к сокращению экспорта из Казахстана в целом, в том числе, и в Китай, а также опосредованно обусловило и сокращение импорта из этой страны. Сокращение товарооборо-

та, вызванное, прежде всего, снижением цен на экспортную продукцию Казахстана, пришлось как раз на начало реализации проекта BRI, включая год обнародования данной инициативы, а также период фактического ее осуществления с 2015 года.

В течение этого периода объем двустороннего товарооборота значительно сократился относительно пикового уровня 2013 года. Средний объем товарооборота, по данным казахстанской статистики, в 2015-18 годах составил 10,2 млрд долл. — более чем в два раза ниже уровня 2013 года в 22,7 млрд долл. Таким образом, с формальной точки зрения, период реализации BRI и участия в этой инициативе Казахстана ознаменовался сокращением взаимной торговли, причем, прежде всего, в части казахстанского экспорта в Китай, объем которого упал с 14,4 млрд долл. в 2013 году до 6,3 млрд долл. в 2018 году (в 2,3 раза). Импорт из КНР в Казахстан сокращался более умеренными темпами — с 8,4 млрд долл. в 2013 году до 5,4 млрд долл. в 2018 году (в 1,6 раза).

Данная ситуация, с одной стороны, выглядит как свидетельство негативных тенденций в области двусторонней торговли, но, с другой стороны, отражает общие тренды с внешней торговлей Казахстана, серьезно пострадавшей от падения сырьевых цен, начавшегося в 2014 году. Внешнеторговый оборот Казахстана в целом также значительно сократился — со 136,4 млрд долл. в 2013 году⁸ до 93,5 млрд долл. в 2018 году⁹, в том числе экспорт умень-

шился с 85,6 млрд долл. до 61 млрд, а импорт — с 50,8 млрд до 32,5 млрд. Таким образом, тенденции казахстанско-китайской торговли в указанный период развивались в русле общей ситуации с внешней торговлей Казахстана.

Однако более тщательный анализ торговли Казахстана с Китаем все же показывает не слишком благоприятную картину. Если рассматривать не только абсолютные объемы торговли, но и удельный вес КНР во внешней торговле Казахстана, можно отметить тенденцию сокращения последнего показателя даже в период практической реализации BRI (рис. 1). Причем это сокращение происходит за счет казахстанского экспорта, доля которого, приходящаяся на КНР, сократилась с 18,2% до 11,4%, что обусловило и снижение удельного веса товарооборота в целом — с 20,9% до 15,7%. Импорт же из Китая оставался за эти шесть лет на практически неизменном уровне: 27,8% в 2013 году и 27,9% в 2018 году.

Таким образом, в период реализации проекта BRI наблюдалась тенденция сокращения удельного веса КНР в качестве экспортного направления Казахстана при сохранении стабильно высокой доли Китая как поставщика импорта в Казахстан. В результате, положительное сальдо торгового баланса, которое, по данным казахстанской статистики, было у Казахстана в торговле с Китаем на протяжении всего рассматриваемого периода, сократилось с 6 млрд долл. в 2013 году до 889 млн долл. в 2018 году.

⁸ Платежный баланс Республики Казахстан: аналитическое представление/ Статистика платежного баланса. Национальный банк Республики Казахстан. Официальный интернет-ресурс. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=343&switch=russian> (дата обращения: 12.03.2019).

⁹ Статистика внешней и взаимной торговли. Комитет по статистике Министерства национальной экономики РК. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersCrossTrade.jsessionid=qU5xPsAvKdklh8HU_Z3hiVq37R2AZyq7V-vSO2_P7ZFF11SmcBsg!-414905864!-488778343?_adf.ctrl-state=33wmm02y7m_182&_afLoop=3609556454755710#%40%3F_afLoop%3D3609556454755710%26_adf.ctrl-state%3Ddkksuyzxf_4 (дата обращения: 12.03.2019)

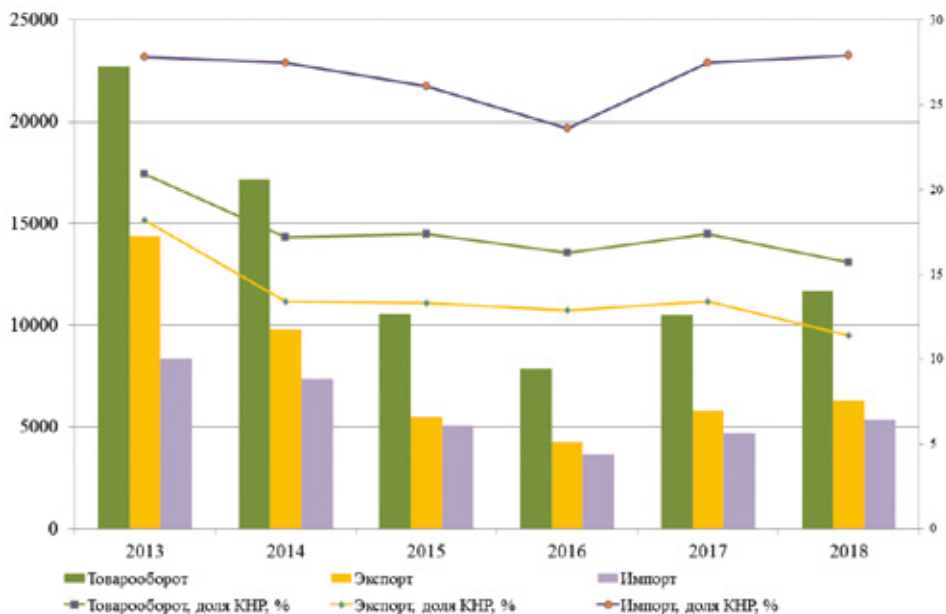

Рисунок 1. Динамика взаимной торговли Казахстана и Китая в 2013-18 годах по данным казахстанской статистики, млн долл., если не указано иное¹⁰

При этом, рассматривая двустороннюю торговлю и, в частности, такой ее важный аспект, как сальдо, нельзя не отметить проблему статистических различий в казахстанской и китайской статистике.

Китайская статистика двусторонней торговли с Казахстаном отличается, в первую очередь, в части объемов китайского экспорта, который значительно выше показателей, представляемых статистикой Комитета государственных доходов Министерства финансов РК. В соответствии с китайскими данными, экспорт КНР в Казахстан значительно выше тех объемов импорта из КНР, которые отражаются в казахстанской статистике. Расхождения измеряются миллиардами долларов ежегодно и растут — если

в 2013 году китайские данные превышали казахстанские в 1,5 раза, то в 2017 году уже в 2,5 раза. Проблема различий внешнеторговой статистики не является предметом данного исследования, но можно отметить, что эти различия обуславливают и разницу в балансе двусторонней торговли. Если по казахстанским данным, ее положительное сальдо приходится на Казахстан, то по данным КНР, баланс торговли двух стран положителен для Китая, начиная с 2014 года, и он быстро увеличивается (рис. 2). В целом же, тенденции двусторонней торговли по версии китайской статистики аналогичны рассмотренным выше применительно к казахстанским индикаторам — также имеет место сокраще-

¹⁰ Рассчитано по данным Комитета государственных доходов Министерства финансов РК: Показатели внешней торговли/ Статистика внешней торговли РК. Комитет государственных доходов Министерства финансов РК. URL: http://kgd.gov.kz/ru/exp_trade_files (дата обращения: 11.03.2019).

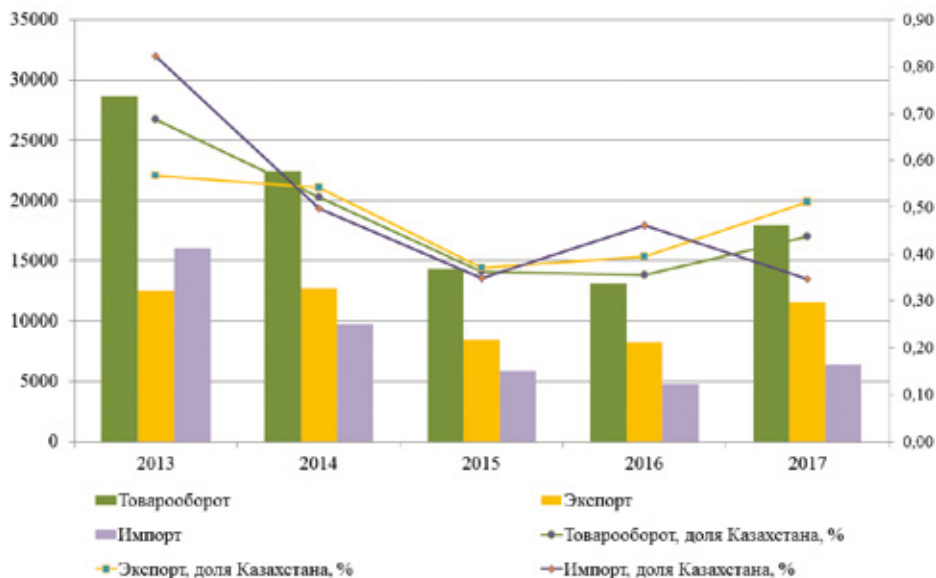

Рисунок 2. Динамика взаимной торговли Казахстана и Китая в 2013-17 годах по данным китайской статистики, млн долл.¹¹

ние товарооборота, также более выраженным является снижение объемов поставок казахстанской продукции в Китай, тогда как объемы товарных потоков из КНР в Казахстан более стабильны.

В период реализации проекта BRI китайская статистика внешней торговли так же, как и казахстанская отражает значительно меньшие объемы товарооборота, чем в пиковом 2013 году. Аналогична и ситуация в области баланса двусторонней торговли, с тем отличием, что казахстанская статистика демонстрирует сокращение положительного сальдо в период реализации BRI, а китайская — рост этого сальдо в пользу КНР (с отрицательного в 2013 году (3,5 млрд долл.) до максимального уровня в 5,2 млрд долл. в 2017 году. То есть, как казахстанская,

так и китайская статистика демонстрируют единую тенденцию роста эффективности двусторонней торговли для КНР и ее снижения для Казахстана.

Рассмотрение значимости страны-партнера для общего состояния внешней торговли в соответствии с китайской статистикой демонстрирует тенденции, схожие с выявленными выше по данным казахстанской статистики. В этом случае также имеет место снижение удельного веса партнера в общем объеме внешнеторгового оборота. Доля Казахстана во внешней торговле Китая поступательно сокращалась с 2013 по 2016 годы, рост наметился в 2017 году. При этом, так же, как и в рассмотренной выше ситуации, рассчитанной по казахстанским данным, основной вклад

¹¹ Рассчитано по данным National Bureau of Statistics of China: China Statistical Yearbook 2015; China Statistical Yearbook 2016; China Statistical Yearbook 2017; China Statistical Yearbook 2018. National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/> (дата обращения 11.03.2019).

в сокращение товарооборота внесло снижение поставок из Казахстана в Китай (доля казахстанского импорта снизилась с 0,82% до 0,35%), тогда как китайские поставки в Казахстан отличались меньшей волатильностью и в 2017 году были примерно на том же уровне, что в 2013 году.

На наш взгляд, отмеченные сдвиги во взаимной торговле Казахстана и Китая были вызваны не столько реализацией проекта BRI, хотя участие в нем могло оказать определенное влияние на стабилизацию и рост товарных потоков из КНР вследствие увеличения завоза некоторой части

продукции в рамках осуществления проектов китайского бизнеса. Основной вклад в спад торговли внесло сокращение казахстанского экспорта в Китай, которое стало следствием снижения цен на мировых товарных рынках, поскольку в структуре этого экспорта подавляющее большинство продукции приходится на сырье. Товарная структура казахстанского экспорта по итогам 2017 года почти полностью состояла из сырья или продуктов его первичной переработки (таб.1) с явно выраженным доминированием продукции металлургии с небольшой долей нефти и газа.

Таблица 1. Товарная структура экспорта Казахстана в Китай в 2017 году (12 крупнейших позиций ТН ВЭД).¹²

	тыс. долл. США	удельный вес, %
ВСЕГО	5 777 684,7	100
Медь рафинированная и сплавы медные необработанные:	1 095 929,0	19,0
Элементы химические радиоактивные и изотопы радиоактивные и их соединения	1 026 139,4	17,8
Руды и концентраты медные	915 715,8	15,8
Ферросплавы:	867 615,7	15,0
Нефть сырая и нефтепродукты сырые	853 409,0	14,8
Цинк необработанный	325 502,3	5,6
Газы нефтяные и углеводороды газообразные прочие	127 908,5	2,2
Пшеница и меслин	57 549,3	1,0
Руды и концентраты железные	49 351,6	0,9

Окончание таб.1 на стр. 139

¹² Составлено по данным из следующего источника: Данные по внешней торговле Республики Казахстан с Китаем. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersCrossTrade?_afLoop=3526922897336337#%40%3FafLoop%3D3526922897336337%26_adf.ctrl-state%3Dj5taav1gd_71 (дата обращения: 11.03.2019).

Окончание таб.1

Руды и концентраты цинковые	38 240,1	0,7
Руды и концентраты хромовые	37 781,7	0,7
Семена подсолнечника для посева	32 881,6	0,6
Всего 12 крупнейших позиций	5 428 024,0	93,9

Цены этой продукции в период 2013-2017 годов снизились очень существенно (медь упала в цене примерно на треть, уран — в два раза, нефть — также примерно вдвое) и вслед за этим падением пропорционально сократились стоимостные объемы казахстанского экспорта и товарооборота в целом. Пик падения товарных рынков пришелся на 2015 и 2016 годы, поэтому в год фактического начала реализации проекта BRI было отмечено и сильное сокращение товарооборота, а с 2017 года он вновь начал заметно расти (в 2018 году, по казахстанским данным, рост товарооборота составил 10,3% относительно уровня 2015 года), но этот рост, так же, как и предшествующее ему падение, был связан не столько с Инициативой Пояса и Пути, сколько с восстановлением цен на мировых рынках и увеличением по этой причине объемов казахстанского экспорта. Таким образом, ключевым фактором динамики сотрудничества Казахстана и КНР в области внешней торговли можно признать ценовую конъюнктуру мировых товарных рынков, а не реализацию проекта BRI, во всяком случае, в период первых лет его осуществления.

ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Сотрудничество в инвестиционной сфере между Казахстаном и Китаем традиционно рассматривается в контексте привлечения в Казахстан китайских ин-

вестиций. При этом объемы накопленных инвестиций из Казахстана в КНР сопоставимы с китайскими вложениями в Казахстан, хотя и уступают им — по состоянию на 1.10.2018, в соответствии с данными Национального банка РК, накопленные инвестиции всех видов в КНР из Казахстана составляли 4871 млн долл., а аналогичный показатель для китайских инвестиций сложился на уровне 15 597 млн долл.¹³ Таким образом, хотя нетто-позиция КНР во взаимном инвестировании измеряется величиной в 10 762 млн долл., нельзя назвать сотрудничество в данной сфере односторонним.

В то же время, в контексте реализации проекта BRI основное внимание целесообразно уделить китайским инвестициям в Казахстан и тому, насколько реализация данного проекта отразилась на объемах инвестиционных потоков из КНР. Анализ данных потоков, как в абсолютном выражении, так и их удельного веса, а также динамики объема накопленных инвестиций, позволяет сделать вывод о снижении роли Китая на инвестиционном поле Казахстана (таб. 2). Объем валового притока китайских прямых инвестиций в Казахстан в период реализации BRI снижается, что обуславливает и снижение удельного веса КНР в зарубежных инвестициях в Казахстан как в части прямых, так и всех инвестиций в целом. Если в год объявления проекта Экономического пояса Шелкового пути доля КНР

¹³ Международная инвестиционная позиция (МИП) Казахстана по странам. Международная инвестиционная позиция. Национальный банк РК, официальный интернет-ресурс. URL: <http://www.nationalbank.kz/?docid=679&switch=russian> (дата обращения: 14.03.2019).

в валовом притоке ПИИ в Казахстан составляла 9,3%, то по итогам 2017 года она сократилась до 4,8%. Также сократилась за последние годы и доля КНР в общем объеме накопленных иностранных инвестиций всех видов.

Таблица 2. Динамика и роль инвестиций из КНР в Казахстане.¹⁴

	2013	2014	2015	2016	2017
Валовой приток ПИИ из КНР	2246,0	1861,2	838,4	961,9	998,7
Валовой приток ПИИ в Казахстан	24098	23726	15170	20949	20765
Доля КНР, %	9,3	7,8	5,5	4,6	4,8
Накопленные инвестиции всех видов из КНР	20101	18659	15103	15153	15841
Накопленные иностранные инвестиции в Казахстан всех видов, всего	209098	213869	198453	218217	227392
Доля КНР, %	9,6	8,7	7,6	6,9	7,0

Следует отметить, что снижение объемов накопленных инвестиций из КНР, фиксируемое казахстанской статистикой (китайской статистики по инвестициям в Казахстан автору найти не удалось), происходит на фоне быстрого наращивания китайских инвестиций в глобальном масштабе. За тот же период с 2013 по 2017 годы, который освещен в таблице 2 применительно к Казахстану, объем накопленных инвестиций всех видов из КНР в мире вырос в 1,8 раза — с 2106 до 3684 млрд долл. (рис. 3). Интенсивный рост китайских инвестиций в мире наряду со снижением их объема в Казахстане обусловили снижение удельного веса Казахстана в «портфеле» китайских глобальных инвестиций с 1% в 2013 году до 0,43% в 2017 году, то есть, в 2,3 раза.

Также следует отметить, что умеренная динамика притока китайских инвестиций в Казахстан в период реализации BRI наблюдается на фоне опережающего их роста в «страны вдоль Пояса и Пути»: по итогам 2018 года рост прямых инвестиций из КНР в эти страны составил 8,9% при росте китайских инвестиций за рубеж в целом на 4,2%.¹⁵ То есть, Китай значительно более активно инвестирует в страны, охваченные проектом BRI, однако, по данным казахстанской статистики, в Казахстане эта тенденция имеет противоположный характер.

Рассматривая проблематику китайских инвестиций в Казахстан, нельзя не отметить существенное расхождение в оценках их объема. Казахстанские данные, приве-

¹⁴ Рассчитано по данным Национального банка РК: Международная инвестиционная позиция (МИП) Казахстана по странам. Международная инвестиционная позиция. Национальный банк РК, официальный интернет-ресурс. URL: <http://www.nationalbank.kz/?docid=679&switch=russian> (дата обращения: 12.09.2018); Валовой приток иностранных прямых инвестиций в Республику Казахстан от иностранных прямых инвесторов по странам. Статистика прямых инвестиций по направлению вложения. Национальный банк РК, официальный интернет-ресурс. URL: <http://www.nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian> (дата обращения: 12.09.2018).

¹⁵ China's ODI in B&R countries rose to 15.64 billion dollars in 2018. Belt & Road Portal, 2019-01-17. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/qwyw/rdxw/77670.htm> (дата обращения: 1.03.2019).

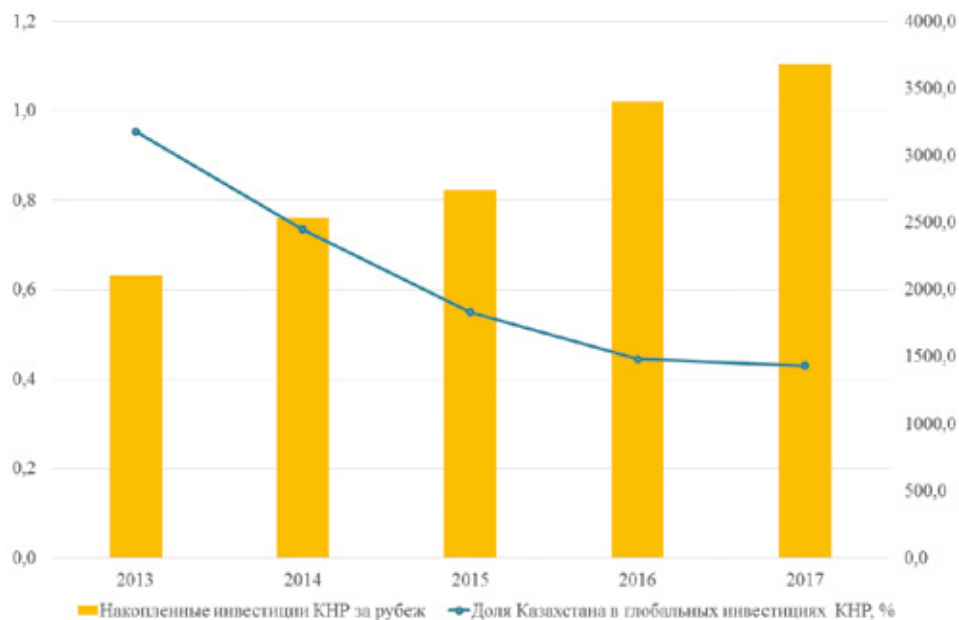

Рисунок 3. Накопленные инвестиции всех видов КНР за рубеж (без учета резервных активов), млрд долл., и доля в них Казахстана.¹⁶

денные выше в соответствии со статистикой Национального банка, дают величину накопленных инвестиций всех видов (то есть, включая займы) на уровне около 15-16 млрд долл. в течение последних нескольких лет. Китайская сторона в лице самых разных источников — от представителей прессы и бизнеса до первых лиц государства — озвучивают объемы инвестиций и кредитов на уровне 40-50 млрд долл., причем, как правило, связывая их рост с реализацией Инициативы Пояса и Пути и участием в ней Казахстана. В конце 2018 года в китайской прессе было заявлено, что «различные китайские организа-

ции расширили кредитование до более чем 40 млрд долл. для Казахстана, сделав Китай крупнейшим кредитором Казахстана в части коммерческих займов» [11].

Трехкратное расхождение казахстанских и китайских оценок объемов инвестиций из КНР может иметь несколько объяснений. Наиболее очевидное заключается в том, что китайская сторона обнаруживает не фактически поступившие в Казахстан объемы средств, а цифры, фигурирующие в подписанных соглашениях и меморандумах, которые рассчитаны на многолетний период, тогда как статистика Национального банка фиксирует фактический объем

¹⁶ Рассчитано по данным из следующих источников: Международная инвестиционная позиция (МИП) Казахстана по странам. Международная инвестиционная позиция. Национальный банк РК, официальный интернет-ресурс. URL: <http://www.nationalbank.kz/?docid=679&switch=russian> (дата обращения: 12.09.2018); China's International Investment Position (annual). The time-series data of International Investment Position of China. State Administration of Foreign Exchange web site. URL: <http://www.safe.gov.cn/en/2018/0329/1413.html> (дата обращения: 12.09.2018).

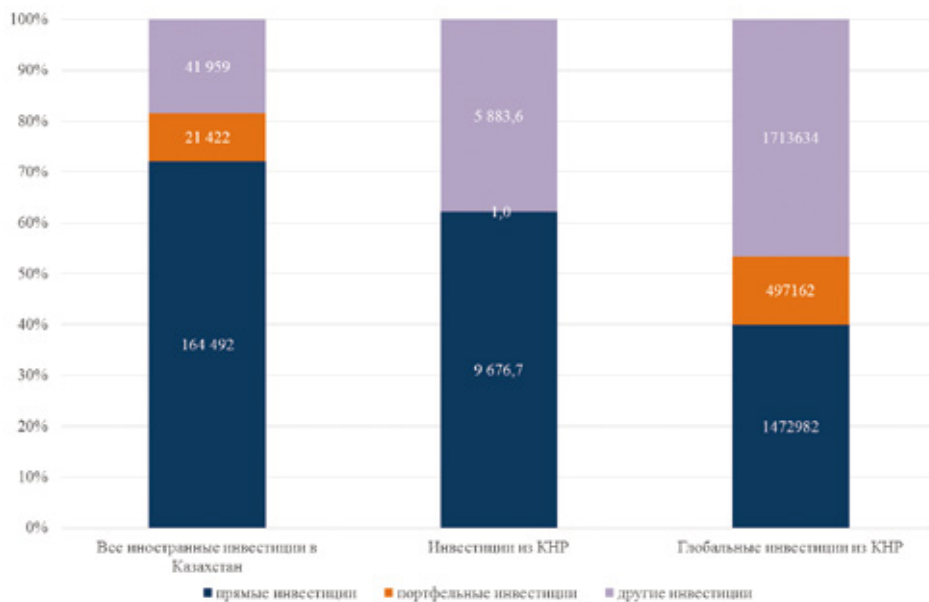

Рисунок 4. Сравнительная структура основных видов иностранных инвестиций в Казахстан, инвестиций в Казахстан из КНР и инвестиций КНР за рубежом в целом в 2017 году, млн долл. США.¹⁷

поступающих средств. Другим объяснением может быть то, что китайские представители озвучивают объемы фактически китайских средств, даже если они прошли через другие юрисдикции и поэтому, формально, отражаются в казахстанской статистике как имеющие происхождение иной страны (например, Нидерландов или иных территорий, через дочерние компании которых действуют в Казахстане некоторые китайские фирмы). Для других стран и, в частности, государств Юго-Восточной Азии, существует еще одна специфическая особенность китайских инвестиций, приводящая к разбросу объема их оценок: «официальная статистика часто

даёт заниженную оценку, так как инвесторы из КНР, как правило, создают подставные компании с оформлением права собственности на местных хуацяо¹⁸» [12], но применительно к Казахстану такой фактор не играет роли.

На наш взгляд, в оценке процесса инвестиционного сотрудничества Казахстана с Китаем более важным аспектом является даже не разница оценок объемов китайского инвестирования, а его специфика в отношении применяемых инструментов этого сотрудничества. Эта специфика заключается в том, что весьма значительная часть китайских инвестиций за рубежом (и в Казахстан, в том числе) представлена не прямы-

¹⁷ Рассчитано по данным из следующих источников: Международная инвестиционная позиция (МИП) Казахстана по странам за первый квартал 2018 г. Международная инвестиционная позиция. Национальный банк РК, официальный интернет-ресурс. URL: <http://www.nationalbank.kz/?docid=679&switch=russian> (дата обращения: 12.09.2018).

¹⁸ Выходцы из Китая, проживающие в других странах.

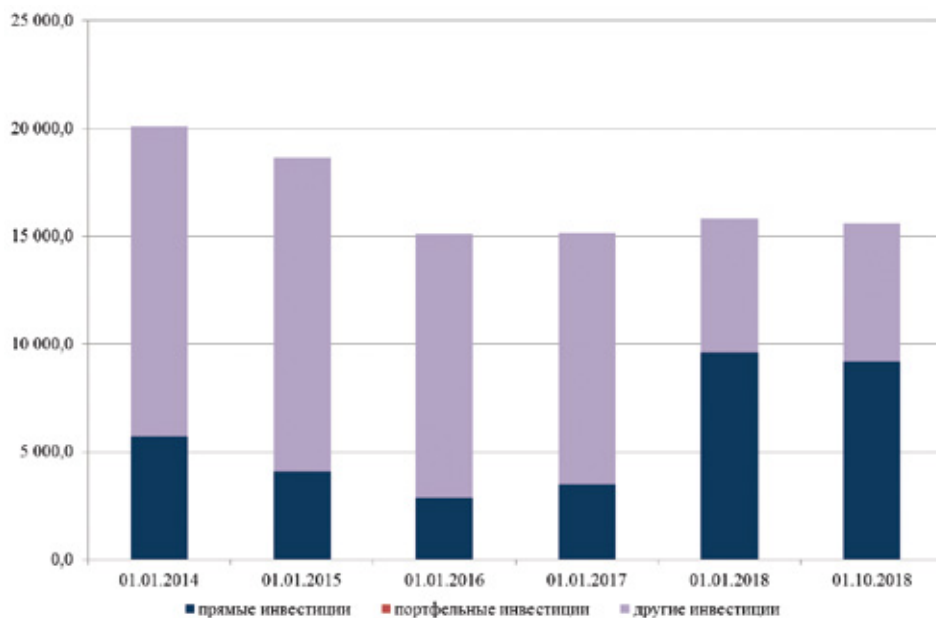

Рисунок 5. Объемы накопленных инвестиций из КНР по основным видам в 2013-2018 гг., млн долл.¹⁹

ми инвестициями (с которыми, как правило, в обиходе отождествляются все иностранные инвестиции), а разного рода заемными средствами, отражающимися статистикой в разделе «другие инвестиции». На конец 2017 года на этот вид зарубежных инвестиций КНР приходилось почти 47% от общего объема накопленных инвестиций всех видов за рубеж (не считая резервных активов). Иными словами, специфика инвестиционного сотрудничества КНР с другими странами предполагает акцент не на прямые инвестиции (на которые приходится только 40% китайских зарубежных вложений), а на предоставление партнерам разного рода заемных средств — от торговых кредитов и авансов до покупки их долговых ценных бумаг.

В Казахстане присутствие китайского капитала отличается от этой общей практики в лучшую, по нашему мнению, сторону тем, что значительно большая доля китайских инвестиций — около 60% — представлена прямыми инвестициями. Правда, даже этот, более высокий по сравнению со средним уровнем ПИИ в китайских инвестициях в мире, показатель все же существенно ниже удельного веса ПИИ из всех стран, накопленных в Казахстане (рис. 4). Кроме того, специфика китайского инвестиционного присутствия в Казахстане заключается в практически полном отсутствии портфельных инвестиций.

При этом, рассматривая сдвиги китайского инвестирования в Казахстан в период реализации проекта BRI, можно отметить,

¹⁹ Рассчитано по данным Национального банка Республики Казахстан: Международная инвестиционная позиция (МИП) Казахстана по странам. Международная инвестиционная позиция. Национальный банк РК, официальный интернет-ресурс. URL: <http://www.nationalbank.kz/?docid=679&switch=russian> (дата обращения: 15.03.2019)

что именно в этот период произошло смещение акцентов от других инвестиций (то есть, разного рода займов) к прямым инвестициям, рост которых начался именно с 2015 года (рис. 5). В 2017 году этот вид инвестиций стал преобладающим, а его удельный вес в общем объеме накопленных китайских инвестиций достиг 60,5%, увеличившись более чем вдвое относительно уровня 2013 года (28,2%).

Таким образом, можно сделать вывод, что за период реализации Инициативы Пояса и Пути характер китайских инвестиций в Казахстан существенно изменился и основной формой сотрудничества КНР с Казахстаном стали прямые инвестиции, а не займы различных видов, отражающиеся в статистике «других инвестиций». Впрочем, необходимо отметить, что среди прямых инвестиций в Казахстан также значительную долю занимают долговые инструменты (по общему объему накопленных ПИИ из всех стран их доля на 1.10.2018 года превышала 63%²⁰), поэтому указанные изменения в структуре инвестиций не в полной мере отражают степень привлекаемого в Казахстан китайского долгового финансирования.

Между тем, проблематика масштабов и роста долгового финансирования в рамках BRI особенно актуальна. Тема растущей задолженности, которая может быть использована для реализации китайских интересов в странах Пояса и Пути, является весьма распространенной и постоянно поднимается широким кругом политиков, экспертов и общественных деятелей в контексте угрозы суверенитету государств-реципиентов китайских инвестиций. В этой связи в дискурсе обсуждения BRI появился ряд специфических терминов для обозна-

чения соответствующей угрозы, в том числе «долговая ловушка», «дипломатия долговой книги» и пр., которые к настоящему времени стали использоваться, в том числе, и в научных работах [5; 13]. При этом ряд исследований не выявили чрезмерного использования китайских кредитов в странах BRI в целом. Так, J. Hurley, S. Morris и G. Portelance [14] показали, что «BRI не является причиной системной долговой проблемы в регионе», а размер ожидаемых в рамках проекта китайских инвестиций в 8 трлн. долл., распределенный на 20 лет и несколько десятков стран, будет эквивалентен примерно 1,5% их ВВП, что существенно ниже их потребностей в инвестициях. В то же время, как этими, так и большинство других исследователей признается, что риск чрезмерной задолженности перед Китаем вследствие реализации BRI существует у малых и бедных стран, для которых риск дефолта повышается.

В этой связи представляет интерес изменение объемов задолженности казахских субъектов экономической деятельности перед Китаем в период реализации BRI, отраженное в статистике внешнего долга (рис. 6). В данном случае также наблюдается сокращение общего объема внешнего долга Казахстана в период как с 2013 года, так и в 2015-2018 годах. При этом можно отметить, что отдельные секторы экономики демонстрировали отличающуюся динамику внешнего долга — максимальное сокращение продемонстрировали «другие сектора» (нефинансовые компании), объем долга которых сократился с 2013 года в 2,5 раза, также существенно сократился долг банковского сектора (в 1,5 раза). При этом значительно увеличилась межфирменная задолженность, рост которой стал следствием роста прямых

²⁰ Международная инвестиционная позиция Казахстана: стандартное представление. Международная инвестиционная позиция. Национальный банк РК, официальный интернет-ресурс. URL: <http://www.nationalbank.kz/?docid=679&switch=russian> (дата обращения: 15.03.2019)

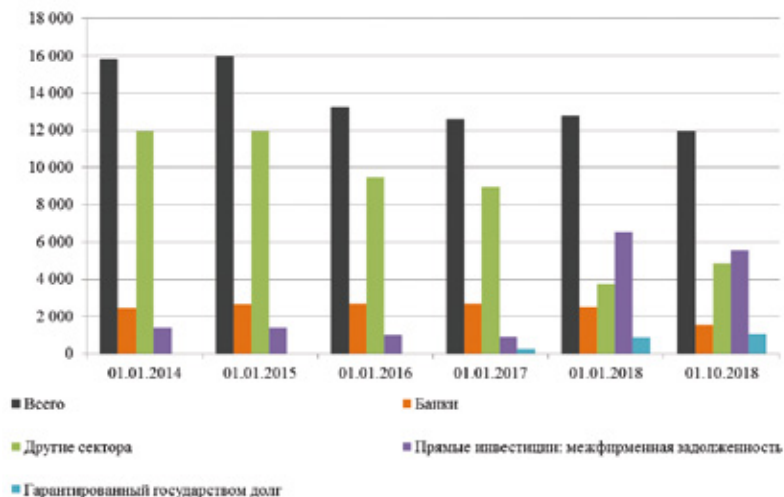

Рисунок 6. Динамика внешней задолженности Казахстана перед Китаем в 2013-2018 гг. по секторам, млн долл.²¹

инвестиций в те же 2017-18 годы, когда вырос и объем инвестиций из КНР (см. рис. 5), также появился и растет отсутствовавший ранее гарантированный государством долг. При этом отдельно можно отметить, что государственный сектор Казахстана как таковой не имеет внешнего долга перед Китаем.

Таким образом, проблема роста задолженности Казахстана перед Китаем в период реализации проекта BRI не только не обостряется, но напротив, теряет свою остроту. При этом необходимо отметить, что данная проблема и до начала реализации данного проекта не была чрезмерно острой. По итогам 2013 года на Китай приходилось 10,6 % внешнего долга Казахстана, а по состоянию на 1.10.2018 этот показатель снизился до 7,4%. Таким образом, в Казахстане сце-

нарий гипотетической «долговой ловушки» BRI не имеет предпосылок к реализации.

Двустороннее инвестиционное сотрудничество не ограничивается китайскими инвестициями в Казахстан, но также включает и инвестиции из Казахстана в КНР. В данном случае доступна также и китайская статистика, которая, впрочем, значительно отличается от казахстанской в объемах²², хотя коррелирует в отражении формирующейся тенденции. Тенденция же эта не демонстрирует роста казахстанских ПИИ в КНР в период реализации проекта BRI (таб. 3). Максимальный объем их притока был зафиксирован в 2014 году, как по казахстанским, так и по китайским данным, после чего объем остается небольшим и даже постепенно сокращается.

²¹ Рассчитано по данным Национального банка РК: Внешний долг по странам/ Статистика внешнего долга. Национальный банк РК, официальный интернет-ресурс. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=346&switch=russian> (дата обращения: 18.03.2019).

²² Китайский показатель привлеченных ПИИ называется «Foreign Direct Investment Actually Utilized». Термин «Actually Utilized», то есть, «реально использованные» ПИИ можно сопоставить с показателем чистого притока ПИИ, который значительно меньше валового притока и, возможно, этим объясняется различная оценка в использованной статистике двух стран.

Таблица 3. Прямые иностранные инвестиции из Казахстана в КНР²³, по данным китайской и казахстанской статистики.²⁴

	2013	2014	2015	2016	2017
ПИИ в КНР, по данным КНР	3,6	36,6	9,5	2,8	5,6
ПИИ в КНР всего	117586	119562	126266	126001	131035
Доля Казахстана, в соответствии с данными КНР, %	0,0031	0,0306	0,0075	0,0022	0,0043
ПИИ в КНР, по данным Казахстана	47,3	76,4	61,0	58,2	38,6
Доля Казахстана, в соответствии с данными Казахстана, %	0,040	0,064	0,048	0,046	0,029

Не менее показательным является крайне низкий удельный вес казахстанских инвестиций в КНР в общем объеме привлекаемых Китаем иностранных инвестиций как по данным казахстанской, так и китайской стороны. Сотые доли процента в первом случае и тысячные доли процента во втором — не отвечают характеру экономического сотрудничества двух крупных соседних стран и в целом роли Казахстана в мировой экономике. При этом, нельзя не отметить тот факт, что в годы реализации BRI удельный вес казахстанских ПИИ в экономику КНР сокращался как по китайским, так и по казахстанским данным, что является еще одним признаком неоднозначного влияния этого проекта на двусторонние хозяйственные связи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги рассмотрению двустороннего экономического сотрудничества Казахстана и Китая в период реализации

Инициативы Пояса и Пути по основным направлениям (торговля и взаимные инвестиции), можно сделать следующие выводы, основанные на анализе статистики обеих стран:

- двусторонняя торговля в период 2015-2018 годов характеризовалась стабильностью объемов, остающихся на значительно меньших уровнях относительно 2013 года; при этом наблюдается постепенное сокращение удельного веса КНР в общем товарообороте Казахстана за счет снижения доли Китая в казахстанском экспорте, тогда как его доля в импортируемой Казахстаном продукции растет;
- по данным казахстанской статистики положительное сальдо внешней торговли Казахстана и КНР в период реализации BRI существенно сократилось, а по данным китайской статистики существенно выросло положительное сальдо КНР в двусторонней торговле, то есть, по дан-

²³ Казахские данные приведены по показателю валового оттока ПИИ, китайские — по показателю Foreign Direct Investment Actually Utilized by Countries or Regions.

²⁴ Составлено по данным из следующих источников: China Statistical Yearbook 2015; China Statistical Yearbook 2016; China Statistical Yearbook 2017; China Statistical Yearbook 2018. National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/> (дата обращения 13.03.2019); Валовый отток прямых инвестиций за границу от казахстанских прямых инвесторов по странам/ Статистика прямых инвестиций по направлению вложения. Национальный банк РК, официальный интернет-ресурс. URL: <https://nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian> (дата обращения: 13.03.2019).

ным обеих сторон баланс преимуществ этой торговли сместился в пользу КНР;

- приток инвестиций из КНР в 2015-2018 годах был существенно ниже уровня 2013 года, что привело к снижению удельного веса Китая как в объемах годового валового притока ПИИ в Казахстан, так и в объеме накопленных иностранных инвестиций, что идет вразрез с тенденцией опережающего роста китайского инвестирования в страны Пояса и Пути;
- в период реализации BRI удельный вес Казахстана в общем объеме китайских инвестиций за рубеж поступательно сокращался, также сокращались абсолютные и относительные объемы казахстанских инвестиций в КНР, при этом их удельный вес в привлекаемых Китаем ПИИ остается на крайне низком уровне;
- внешний долг Казахстана перед КНР

в период реализации инициативы BRI не увеличивался, напротив, наблюдается его сокращение как в абсолютном выражении, так и в части удельного веса в общем объеме;

- в период реализации BRI произошло улучшение структуры китайских инвестиций в Казахстан за счет значительного увеличения в 2017-2018 годах доли прямых инвестиций, тогда как ранее преобладающим видом были «другие» инвестиции, представленные преимущественно займами разных типов.

Таким образом, в основных сферах двустороннего экономического сотрудничества Казахстана и КНР в период фактической реализации проекта BRI (2015-2018 годы) не наблюдается выраженной положительной динамики, а в ряде случаев эту динамику можно характеризовать как отрицательную для Казахстана.

REFERENCES:

1. Michael H. Glantz China's «one Belt, one Road» (OBOR) Initiative: What a Difference «Brand» can make. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(1):8-19. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-1-8-19>
2. Full text: Action plan on the Belt and Road Initiative. The State Council. The People's Republic of China. URL: http://english.gov.cn/archive/publications/2015/03/30/content_281475080249035.htm [Accessed: 12.03.2019]
3. Joint construction of «One belt, one way»: idea, practice and contribution of China. Office of the leading working group on construction advance of «One belt, one way». Beijing: Publishing house of literature in foreign languages, 2017. C.30. URL: <http://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylyw/201705/201705110545004.pdf> [Accessed: 12.03.2019]
4. Greer T. One Belt, One Road, One Big Mistake. *Foreign Policy*, December 6, 2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/12/06/bri-china-belt-road-initiative-blunder> [Accessed: 14.03.2019]
5. Kumar B.N. Belt and Road Initiative: A Potential Threat to the Region and Eurasia. New Delhi. Centre For Land Warfare Studies, Issue Brief, August 2018. No. 150. URL: https://www.researchgate.net/publication/327633281_Belt_and_Road_Initiative_A_Potential_Threat_to_the_Region_and_Eurasia [Accessed: 17.03.2019]
6. Vakulchuk R., Overland I. «China's Belt and Road Initiative through the Lens of Central Asia», in Fanny M. Cheung and Ying-yi Hong (eds) *Regional Connection under the Belt and Road Initiative. The prospects for Economic and Financial Cooperation*. London: Routledge; 2019. pp. 115–133.

7. Ruta M. Three Opportunities and Three Risks of the Belt and Road Initiative. The World Bank. 2018. 5 апреля. URL: <http://blogs.worldbank.org/trade/three-opportunities-and-three-risks-belt-and-road-initiative> [Accessed: 15.03.2019]
8. Big data report on Belt and Road progress released. Belt and Road Portal, 10.12.2017. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/qwyw/rdxw/30288.htm> [Accessed: 12.03.2019]
9. Weida Li. China issues Belt and Road Big Data Report 2018. GB Times, Sep 20, 2018. URL: <https://gbtimes.com/china-issues-belt-and-road-big-data-report-2018> [Accessed: 12.03.2019]
10. Xi Jinping. The Chinese-Kazakhstan relations fly up on dream wings. Kazakhstan truth. 2017 г. 7 июня. URL: <https://www.kazpravda.kz/articles/view/vzletaut-na-krilyah-mechti-kitaisko-kazahstanskije-otnosheniya> [Accessed: 15.01.2019]
11. Xing Xiaojing. Kazakhstan's capital Astana shakes economic funk due to infusion of Chinese investment. Global Times. 2018. 25 сентября. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1120869.shtml> [Accessed: 14.03.2019]
12. Southeast Asia as zone of collision of interests of China and USA. Report of the Russian institute of strategic researches. *Problems of national strategy*. 2018;4:23.
13. Parker S., Chefitz G. Debtbook Diplomacy: China's Strategic Leveraging of its Newfound Economic Influence and the Consequences for U.S. Foreign Policy. Harvard: Belfer Center for Science and International Affairs Harvard Kennedy School; 2018. P. 1-13.
14. Hurley J., Morris S., Portelance G. Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective. CGD Policy Paper 121. Washington: Center for Global Development; 2018. P. 5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Вячеслав Ю. Додонов, Доктор экономических наук, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Алматы, Казахстан; 050000, Республика Казахстана, г. Алматы, ул. Тулебаева, 162;
dodonovv@mail.ru

Vyacheslav Yu. Dodonov, Doctor of Economics, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan; bld. 162, Tulebaev str., Almaty, 050000, the Republic of Kazakhstan;
dodonovv@mail.ru